

Дебютное занятие Тан Яньчжи прошло на удивление гладко. По крайней мере, на все каверзные вопросы новоиспечённых учеников он сумел дать исчерпывающие ответы.

Его манера преподавать, не утаивая ни единого секрета мастерства, мгновенно расположила к нему большинство присутствующих. Впрочем, нашлись и те, кто счёл подобную щедрость верхом глупости. В народе не зря говорили: «Обучишь подмастерье — погубишь мастера». Мало кто в этом мире горел желанием делиться тонкостями своего ремесла. Но Тан Яньчжи не принадлежал к числу заурядных людей. Он искренне полагал, что для процветания алхимии базовые знания должны быть доступны каждому; скрывать второстепенные приёмы не имело никакого смысла.

Лишь тогда, когда общее число мастеров возрастёт, мир наконец узрит истинных гениев, способных совершить переворот в искусстве сотворения пилюль.

Провожая взглядом его торопливо удаляющуюся фигуру, декан Ван Чэн невольно улыбнулся.

— Похоже, в этот раз мне и впрямь улыбнулась удача, — негромко пробормотал он.

Услышанное заставило декана взглянуть на собственные изыскания под другим углом. Вдохновлённый речью юноши, он поспешил в свои покои, горя желанием опробовать новый подход к решению давно терзавших его алхимических трудностей.

Чжан Шаньшань ничего не смыслила в тонкостях создания пилюль. Однако, глядя на замороженных учеников Алхимического подворья, она понимала: Тан Яньчжи вещал со знанием дела. Этот уверенный в себе, красноречивый мастер ни капли не походил на того безвольного глупца, которого она знала прежде.

Девушка замороженно вспоминала его величественный образ у кафедры, и в её груди разгоралось нездоровое любопытство. Яньчжи наверняка завладел каким-то невероятным сокровищем — иначе как объяснить столь разительную перемену?

Она невольно предалась сладким грёзам.

«Если мы снова сойдёмся, и он без памяти влюбится в меня, то обязательно разделит со мной эту тайну, — лихорадочно размышляла она, ощущая, как от предвкушения сладко щемит в груди. — Он отдаст мне всё, что попрошу».

Когда Шаньшань наконец очнулась от фантазий, Тан Яньчжи уже давно ушёл. Прищулив глаза, она твёрдо решила, что завтра же нанесёт ему визит.

Память услужливо подсказала, что у неё до сих пор хранятся подарки, которые он когда-то преподносил ей в порыве влюблённости. Стоило вернуться в свои покои, отыскать эти безделушки и надеть их завтра, чтобы растопить его сердце при встрече.

Пока остальные ученики оживлённо гадали, откуда взялся этот загадочный молодой старейшина, Чжан Шаньшань уже во всех деталях планировала, какую маску примерить перед ним завтра.

К тому моменту, как Тан Яньчжи переступил порог дома, ужин уже подошёл к концу. Сяо Лои как раз вносил в комнату блюдо со свежесмытыми сочными фруктами. Ничуть не забоясь о манерах, Яньчжи с порога зычно объявил:

— Я вернулся!

Целый день непрерывных объяснений не утомил его физически, однако изрядно вымотал морально. Обессиленно распластавшись на столе, юноша лениво потянулся к тарелке, подцепил пальцами спелый плод и закинул его в рот.

— Ну как всё прошло? — поинтересовался Сяо Лои. — К роли наставника уже привык?

— Терпимо, — поморщился Тан Яньчжи. — Вот только эти тугодумы умудрялись засыпать меня вопросами, которые и младенцу покажутся очевидными.

Он недовольно скривил губы и продолжил жаловаться:

— Да и соображают они со скрипом! Я трижды показал им один и тот же приём, а они так ничего и не поняли!

В его голосе смешались искреннее возмущение и неприкрытое самодовольство. Всем своим видом Яньчжи показывал, насколько редки в этом мире столь блистательные, одарённые и, без сомнения, невероятно привлекательные гении, как он сам.

Сяо Лои, который только собирался утешить уставшего супруга, лишь безмолвно замер.

Даже будучи далёким от тонкостей алхимии, Лои прекрасно понимал: искусству создания пилюль невозможно обучиться за пару наглядных демонстраций. И эта детская обида Тан Яньчжи лишь лишний раз доказывала, насколько поразительным талантом обладал он сам.

Лои лишь притворялся равнодушным, на самом же деле чутко следил за успехами своего спутника Дао. Разумеется, до него дошли слухи о том, как Яньчжи создал безупречную пилюлю Детоксикации и получил заветное право войти в Малое пещерное небо.

Расспросив очевидцев, он узнал, что пострадавший от яда старший брат уже находился на пороге смерти и мысленно простился с жизнью. Однако стоило ему принять пилюлю,

сотворённую Тан Яньчжи, как смертоносный токсин вышел вместе с хлынувшей горлом кровью. Оставшиеся крохи яда без труда вывела самая обычная целебная микстура.

Способности Яньчжи к алхимии граничили с чудом.

Заметив, что Лои ушёл в себя, Тан Яньчжи поспешил перевести тему:

— Да, кстати, задания из Зала заданий, которые ты взял для меня, я практически закончил. Вот, держи готовую работу.

Он выставил на стол целую батарею фарфоровых флаконов, после чего замер, нерешительно глядя на спутника.

Сяо Лои смахнул склянки в рукав. Пальцы его на мгновение сжались в кулак, но он тут же заставил себя расслабиться и как можно непринуждённое спросил:

— Что-то не так?

Яньчжи заговорщицки хмыкнул:

— Лои, у тебя ещё остались пилюли, которые я давал тебе раньше?

Хотя теперь, став старейшиной Школы Небесного Меча, Тан Яньчжи мог брать любые поручения напрямую, он по старой привычке предпочитал, чтобы все организационные вопросы улаживал Сяо Лои.

Благодаря феноменальному показателю успешных плавок Яньчжи скопил колоссальные запасы редких трав. Переработав их все, он обнаружил, что буквально завален готовой продукцией. Пилюли Изначальной Энергии теперь громоздились в его распоряжении настоящими горами. За вычетом того, что уходило на нужды их небольшого семейства, излишки мёртвым грузом оседали внутри его пространства. Сяо Лои даже приблизительно не догадывался, какими объёмами богатств ворочал его спутник.

Когда в арсенале Яньчжи закончились мелкие нефритовые флаконы, он попросил Лои приобрести вместительные сосуды, способные вместить по несколько сотен драгоценных горошин за раз. К сегодняшнему дню опустели и они.

Поймав на себе вопросительный взгляд Лои, алхимик поспешил объяснить:

— У меня скопилось слишком много готовых пилюль. Если тебе нужно для культивации — забирай сколько душе угодно, не стесняйся. И ещё... те большие нефритовые флаконы, что ты принёс в прошлый раз, тоже подошли к концу. Будет время — раздобудь ещё десятка три.

— У меня самого запасов с избытком, — покачал головой Сяо Лои.

Он ничуть не кривил душой. Каждая партия, которую ему вручал Яньчжи, была настолько внушительной, словно тот задался целью забить его мешок Цянькунь до самого верха. Этого добра Лои хватило бы на месяцы вперёд.

— За флаконами я схожу сегодня же. А что касается излишков лекарств... Может, стоит пустить их на продажу? — предложил он.

Глаза Тан Яньчжи мгновенно вспыхнули живым интересом:

— А у тебя есть на прицеле надёжные покупатели?

Лои невольно усмехнулся наивности супруга.

— Всё куда проще, чем ты думаешь. Мы можем сбыть их напрямую в Зал заданий.

Каждый месяц Зал заданий публиковал сотни заявок, добрая половина которых так или иначе касалась лекарств. К сожалению, Алхимическое подворье Школы Небесного Меча не справлялось с аппетитами ордена. Собственного производства катастрофически не хватало, из-за чего старейшинам приходилось закупать львиную долю снадобий на стороне.

В Школе Небесного Меча числились тысячи совершенствующихся. Ежедневный расход одних только пилюль Изначальной Энергии для нужд рядовых адептов исчислялся астрономическими цифрами.

Продавать оптом Алхимическому подворью было наиболее разумным решением. Разумеется, если бы они занялись розничной торговлей среди простых учеников, выручка оказалась бы выше, однако колоссальные объёмы товара Тан Яньчжи превратили бы эту затею в кошмарную рутину. Проще и выгоднее было избавиться от всего разом.

— Договорились. Возлагаю эту ответственную миссию на твои плечи, — с облегчением выдохнул Яньчжи. В последнее время он так стремительно закрывал поручения ордена именно потому, что сдавал старые запасы, завалившиеся в закромах.

— Хорошо. Нужно купить что-нибудь ещё? — спросил Лои. Ему нравилось быть полезным для своего ветреного алхимика.

Будь его воля, он бы запер Тан Яньчжи в их тихой обители, сокрыв от чужих глаз навсегда. В глубине зрачков Сяо Лои на миг промелькнула тёмная, ревнивая тень. Скользнув взглядом по задумчивому лицу юноши, он мысленно вздохнул.

«Пусть бы всё так и оставалось... всегда».

— Помимо флаконов, захвати материалы для начертания талисманов, — припомнил Тан Яньчжи. — И купи пару новых нарядов для Цзыаня.

При мысли о гардеробе сына на душе у алхимика заскребли кошки. Маленький упрямец наотрез отказывался носить вещи, купленные отцом. Самому Сяо Лои в этом плане повезло больше — как внутреннему ученику школы ему полагалось строгое форменное облачение, избавившее его от сомнительного удовольствия щеголять в парчовых, расшитых золотом одеждах, которыми его некогда щедро одарил супруг.

— Кхм. Договорились, — неловко кашлянул Лои, благоразумно умолчав о специфических вкусах супруга.

Про себя он решил, что ради душевного спокойствия Яньчжи можно слегка ущемить интересы собственного сына. В конце концов, носить отцовские кричащие наряды каждый день мальчика никто не заставлял — так, покрасоваться раз-другой в неделю.

Руководствуясь принципом здорового эгоизма, Лои мысленно попросил у сына прощения и окончательно утвердился в намерении вернуться домой без единой обновки.

Проводив мужа за порог, Тан Яньчжи решительно отказался от мысли о скучной медитации и направился в комнату сына, гадая, чем тот занят.

— Цзыань, можно войти? — постучал он в дверь.

Изнутри донёсся подозрительный шорох и грохот спешных сборов. Яньчжи терпеливо переждал суматоху, пока на пороге наконец не появился запыхавшийся ребёнок с самым невинным и одновременно виноватым выражением лица.

Едва ступив за порог, Тан Яньчжи уловил резкий, густой запах туши. Цзыань, намертво спрятав руки за спину, натянуто спросил:

— Отец? А почему ты не отдыхаешь?

— Да просто решил проведать тебя. Столкнулся с трудностями в медитации? — заботливо поинтересовался мужчина.

— Нет, папа мне всё подробно растолковал, — качнул головой мальчик.

Он украдкой бросил на отца оценивающий взгляд и, не заметив в его лице подозрений, мысленно перевёл дух.

— Откуда тогда столь въедливый запах туши? — прищурился Яньчжи.

— Я... я рисовал! — выпалил малец первое, что пришло в голову.

— О? — оживился отец. — Любопытно. И что же ты изобразил?

Цзыань тут же мысленно проклял свой длинный язык. Пытаясь исправить положение, он мелкими шажками начал смещаться в сторону, невольно открывая вид на то, что так усердно пытался заслонить собственным телом.

Тан Яньчжи застыл с открытым ртом. Перед его взором предстали домашние питомцы, в которых теперь было решительно невозможно признать благородных духовных зверей.

Роскошная, некогда огненно-рыжая шубка лисицы Чиюнь была безжалостно обрита клочьями. Кое-где красовались сиротливые пучки шерсти, перемежающиеся с проплешинами. В завершение картины малец щедро расписал несчастного зверя чёрной тушью: хаотичные мазки превратили некогда изящное создание в невероятно уродливую, облезлую дворнягу.

Загадка исчезновения лисьего меха разрешилась сама собой, стоило Яньчжи перевести взгляд на феникса Лань Сяохо. Лисья шерсть таинственным образом оказалась приклеена к беспёрой тушке птицы. На первый взгляд Лань Сяохо стал выглядеть на удивление пушистым и даже милым... если бы не два гигантских, нелепых угольно-чёрных круга, которые Цзыань усердно вывел кистью вокруг его глаз.

Тан Яньчжи с непередаваемым изумлением уставился на сына, из последних сил сдерживая рвущийся наружу хохот.

— Пап, я просто... — робко пролепетал мальчик.

Вместо нагоняя отец молча взял со стола свободную кисть, окунул её в тушь и деловито произнёс:

— Хм, кажется, эти круги вышли какими-то несимметричными.

С этими словами он уверенным движением добавил жирный мазок вокруг левого глаза спящего феникса.

— Отец, ты не сердишься? — недоверчиво захлопал ресницами Цзыань.

— С чего бы мне сердиться?

На самом деле сердце Тан Яньчжи сжалось от щемящей нежности. В последнее время он был так занят делами школы, что совершенно забросил сына. Цзыань хоть и пытался казаться не по годам взрослым, всё же оставался обычным ребёнком. А он, непутёвый родитель, за всё время не удосужился купить сыну ни единой игрушки!

Вспоминая собственное детство, когда его забавы занимали целую просторную залу, Яньчжи устыдился своей халатности.

Сделав мысленную пометку исправить это упущение при первой возможности, он склонился над пернатой жертвой искусства:

— Погляди, правый круг вроде бы немного съехал набок?

Цзыань тут же подскочил ближе, критически присматриваясь к результату:

— Ага, и он как будто маловат по сравнению с левым.

— А если вот так? — Тан Яньчжи провёл ещё одну линию.

— Всё равно что-то не то, — по-взрослому почесал подбородок малец.

Увлёкшись процессом, отец и сын принялись бурно спорить, то и дело добавляя новые штрихи к физиономии несчастного феникса.

Яньчжи не видел абсолютно ничего зазорного в том, чтобы использовать погружённого в глубокий сон фамильяра в качестве холста. Вскоре игра захватила его без остатка. Под натиском двух неудержимых художников многострадальная птица быстро превратилась в сплошной чёрный комок, благоухающий свежей тушью.

Внезапно в голове алхимика созрел ещё более коварный план. Хитро прищурившись, он заговорщицки прошептал:

— Цзыань, а ты знаешь, как рисовать с помощью зверей?

Мальчик на секунду задумался и растерянно покачал головой.

— Тогда гляди и учись! — с таинственным видом объявил Яньчжи.

Он расправил на столе чистый свиток плотной рисовой бумаги, от души извалял кисть в

чернильнице и принялся методично закрашивать бока Лань Сяохо. Закончив с подготовкой, он бережно взял птицу за лапы и аккуратно, словно печать, прижал её к бумаге. На белом листе проступил чёткий, уморительный силуэт взъерошенного феникса.

Переводя взгляд с оттиска на сияющего отца, Цзыань восторженно взвизгнул:

— Папа, ты гений!

— Ещё бы! — самодовольно задрал нос Тан Яньчжи. — Знай наших!

Не теряя времени, он придал тельцу Лань Сяохо иную позу и сделал ещё один отпечаток.

— Пап, дай я тоже попробую! — загорелся малец, не в силах больше стоять в стороне.

— Дерзай, — великодушно уступил место у стола отец.

Они самозабвенно развлекались добрую половину вечера, пока комната не заполнилась грудой испорченной бумаги. Тщательно отобрав самые удачные шедевры, сообщники оперативно предали огню все неудачные черновики, заматавая следы преступления.

— Ну а теперь финальный штрих! Давай оставим наши подписи, — азартно предложил Тан Яньчжи, протягивая измазанную чернилами ладонь.

— Давай! — согласно закивал малец.

В самый разгар этого увлекательного процесса Лань Сяохо внезапно шевельнул крылом и приоткрыл заспанные глаза. В птичьей голове медленно прояснялось осознание того, что всё его тело покрыто чем-то липким, а перед взором колыхается странная чёрная пелена.

— Ой... Неужто я наконец оброс перьями?.. — пробормотал он спросонья, но тут же осёкся и взревел на всю комнату: — Пойдите! Ах ты, ничтожный бездарь с пятью духовными корнями! Что ты со мной сотворил?!

<http://bllate.org/book/19637/2004068>